

Н. ЗВОРЫКИН

ОЦЕНКА
ЛЕГАВОЙ
НА ОХОТЕ

МОСКВА

1931

ИЗДАНИЕ ВСЕКОХОТСОЮЗА

Зворыкин Н.А.

Оценка легавой на охоте

**Издание "Всекохотсоюза",
Москва, 1931**

СОДЕРЖАНИЕ:

- **Предисловие**
- **Проявление характера в щенячем возрасте**
- **Некоторые свойства легавых во время натаски**
- **Оценка работы поставленной собаки**
 - **Чутье**
 - **Стойка**
 - **Послушание**
 - **Ход и поиск**
 - **Анонс**

Предисловие

В руководствах по дрессировке и натаске легавых обычно говорится о способах достижения известных результатов обучения, не касаясь охотничьей оценки полевой работы поставленной собаки. В отчетах же полевых испытаний, преследующих иную цель, можно найти лишь косвенные ответы на некоторые из затрагиваемых здесь вопросов, да и то применительно к отдельным собакам, испытываемым главным образом по болотной дичи.

Таким образом, поднятый в настоящей брошюре вопрос об оценке самим охотником полевых качеств легавой представляет собою нечто новое в печати и вместе с тем давнишнее в памяти опытных охотников, не только много охотившихся, но и натаскивавших легавых.

Возрастающий интерес к легавой, значительное увеличение количества молодых охотников и стремление многих к практическому знанию выдвинули безусловную потребность в издании соответствующей брошюры.

Проявление характера в щенячем возрасте

Когда ладная кровная сука кормит недавно прозревших щенят и облизывает их по очереди, бережное отношение матери радует хозяина, так как оно соответствует его заботам о щенках.

Все эти маленькие существа с большими складками кожи и мощными уже лапками рассматриваются любителями не только как денежная единица, а и как особая ценность, не поддающаяся рыночной оценке. Похожие на шелковистые комочки щенки представляют собою организмы, в которые вложена наследственностью совокупность больших или меньших талантов легавой. Загадка, заключающаяся в том, который из щенков является носителем наилучших полевых качеств, беспрестанно притягивает внимание и наблюдательность охотника. Все щенки кажутся хорошими, умными. Они хорошо разыскивают соски матери, незамедлительно присасываются к ним и властно надавливают лапками живот матери... Вскоре, однако, начинают уже проявляться разные особенности характеров. При внимательном наблюдении различается: самостоятельность, зависимость, выдержка, рассудочность, серьезность, бестолковость, суетливость, подвижность, угрюмость, флегматичность, ласковость, подхалимство, хитрость, смелость, робость, недоверчивость и др. оттенки.

Некоторые из этих свойств характера совмещаются в одной собаке в разных сочетаниях, за исключением свойств, противоположных одно другому, как, например, подвижность и флегматичность, угрюмость и подхалимство и др.

Те или другие черты характера и сочетания их в различных степенях указывают на особенности, которые так же, как и полевые качества, передаются наследственно. И эти особенности характера небезразличны для полевой работы. Нет никакого сомнения, что проявляемая уже 4-недельным щенком самостоятельность, подвижность и некоторая рассудочность являются весьма положительными свойствами характера для будущей полевой деятельности, а суетливость, бестолковость, робость и др. — нежелательными.

Те или другие свойства характера щенка младенческого возраста, если они не изменены условиями обстановки, сохраняются и в зрелом возрасте собаки.

Ошибочно было бы, однако, на основании положительных свойств характера щенка, предрешать его будущее превосходство как полевика. К сожалению, полевое первенство зависит чаще, главным образом, от скрытой еще на долгое время силы чутья. Тем не менее при выборе щенка следует руководствоваться желательными свойствами характера, так как остальные решающие признаки чисто полевых достоинств никоим образом не могут еще быть обнаружены, а положительные задатки характера при хорошем чутье дадут несравненно более высокого полевого работника.

Некоторые щенки, едва начав быстро передвигаться, проявляют свою инициативу (самостоятельность), отдаляются от компании, избирают по собственному почину направление, не следуя за группой своих маленьких братьев и сестер, придумывают себе занятие — старательно и пресерьезно перетаскивают лежащие на полу предметы, ложатся на отдых в семейную группу, властно растолкав своих собратьев (обыкновенно такой щенок и сильнее), или же избирают место тут же в сторонке.

Рассудочность чаще всего сопровождает самостоятельные характеры и отражается не только на поведении, но и на физиономии щенка. Когда подвижность присуща этому типу собак, то выбор такого экземпляра, несомненно, сулит многое.

Легавые в подавляющем своем большинстве достаточно ласковы. Невыгодно, однако, когда это свойство переходит в подхалимство. Хотя собаки, слишком ласковые или несколько робкие, дают меньше хлопот при натаске, но чаще зато не дают и блестящих полевых результатов; нередко к этим свойствам характера присоединяется суетливость, а подчас и нераздельная с нею бестолковость.

Робость — свойство отрицательное, его не следует смешивать с весьма положительным свойством мягкости характера — податливостью. Мягкость уживается и в характерах самостоятельных, рассудочных и даже серьезных.

На каких же полевых качествах сказываются, в будущем некоторые из указанных свойств щенячьего характера.

Подвижность обычно дает энергичный ход, самостоятельность и смелость — достаточно широкий поиск, рассудочность — сотрудничество, а мягкость характера помогает апелистости и быстрому укреплению наследственных навыков. Наоборот, робость сокращает поиск даже при энергичном ходе, хитрость толкает собаку на непослушание и отдаляет от сотрудничества, суетливость, часто имеющая последствием бестолковость, нередко влечет за собою копанье на следах, спарывание птицы и бессистемный поиск. Флегматичность естественно сопряжена с проявлением вялого хода и короткого поиска; недоверчивость осложняет натаску и ослабляет в собаке потребность к сотрудничеству.

Черты характера, та субъективность, которая отличает одного щенка от другого, является результатом наследственности. Каждая собака имеет свои психические особенности, отличающие ее от другой так же, как отличаются собаки сложением и окрасом.

Наследственные черты характера заставляют воспитателя считаться с ними. Правильным обучением можно усилить, укрепить желательные свойства характера и

ослабить вредные. Некоторые же природные полевые свойства не поддаются изменению. Наиболее ярким наглядным примером неподдающегося влиянию воспитания полевого свойства собаки является быстрота хода — ход быстрый или тихий изменить нельзя. Из собаки быстроходной сделать тихохода невозможно, как невозможно и наоборот.

Понятно, что не приходится говорить о неизменяемости приемами обучения силы чутья и характера его работы.

Некоторые свойства легавых во время натаски

Когда собака, наконец, очутится на просторе полей, болот или лесов, столкнется с живою природою, станет перед соблазном, — культурные навыки, достигнутые дрессировкою, падают, как будто исчезают. Все недостатки собаки на просторе усилились, те качества, которыми она обладала, уменьшились.

Разочарование овладевает хозяином.

Общее положение, однако, должно быть охарактеризовано следующим образом. Достижения, полученные воспитанием и дрессировкой, возродятся, проявятся в неменьшей степени и в полевой работе при правильной натаске.

Упрямство является одним из тех свойств характера собаки, которые проявляются с раннего возраста, усиливаются со временем и затрудняют обучение. Упрямство представляет собою значительно меньше препятствий при натаске, если собака предварительно прошла хороший курс дрессировки, однако, если оно не могло быть и в достаточной степени сломано воспитанием и дрессировкой, то дело уже трудно поправимо в периоде натаски.

Упрямство (настойчивость) необходимо отличать от проявлений темпераментности; последняя хотя и создает забывчивость в горячих увлечениях, но является скорее положительным качеством, умеряемым, как разумом собаки, так и ее опытом. Упрямство — качество весьма отрицательное, так как лишает одного из существенных и драгоценных свойств — сотрудничества.

Горячность — темпераментность осложняет натаску в смысле замедления обучения, так как затемняет рассудочность собаки. Однако, эти затруднения в натаске носят характер временный, и безрассудная темпераментность под влиянием пройденного воспитания и полевой практики входит в свои берега.

Горячность является в большей или меньшей степени наследственною, принадлежностью английских легавых. Собака без темперамента редко дает широкий поиск, и не обладает быстрым энергичным ходом и теряет в красоте работы. Горячность в кровной легавой собаке нужно считать нетерпимым качеством лишь в случаях, когда собака вообще обладает повышенной, ненормальною нервностью, сильно заметною и не в полевых проявлениях.

Горячность, конечно, способствует азартной гоньбе, притуплению как послушания, так и владения чутьем, но при условии прочих качеств; и нормальности нервной системы

собаки — огорчения, причиняемые горячностью в период натаски, вознаграждаются потом многими преимуществами темпераментной собаки.

Робкость бывает прирожденной и приобретенной благодаря скверным приемам или условиям воспитания.

Робкость прирожденная, да еще усиленная неправильным воспитанием, печально отзывается на всей работе собаки, а иногда и препятствует работе. Робкость доходит, напр., до боязни шумного взлета птицы, звука выстрела, грозы, и т. п. Такое состояние бывает и результатом болезни или дегенерации.

Робкость и мягкость характера являются свойствами разного порядка, так же, как, напр., в характере человека трусость и деликатность. Робкость нередко сказывается на боязни подводки, выражается в неуверенной работе по бегущей птице, вследствие чего расстояние до птицы все увеличивается, в недостаточно широком поиске и мало энергичном ходе.

Проявляемая в подводке и вообще в работе робкая неуверенность собаки случается и по недостатку чутья.

Безразличное отношение к охоте. Попадаются легавые, относящиеся безразлично не только к птичкам всякого рода, но и к дичи, несмотря на то, что характер их сформировался, и они в натаску поступили своевременно, по возрасту. Такое отношение свидетельствует в подавляющем большинстве случаев об отсутствии в данном экземпляре (а может быть и вообще в данной линии собак) должной охотничьей наследственности, и такая собака для охотничьих целей никуда не годится.

В других случаях такое безразличие или проявление малого интереса к охоте объясняется тем, что охотничий инстинкт не развился, не проснулся. Случаи эти не часты, и если впоследствии инстинкт и проявляется, то редко дает действительно хорошую полевую собаку. Безразличие иногда основано на флегматичности характера и является следствием болезни, и если собака во всех проявлениях одинаково апатична, то занятие ее натаскою является потерянными трудом и ее полезнее ликвидировать.

Пристрастие к птичкам. У некоторых легавых чрезвычайно развита страсть не только к дичи, но и к разным птичкам, при чем из последних внимание их особенно привлекают жаворонки и дрозды. Это явление как будто носит в себе и известные наследственные корни. Собака с большим интересом разбирает следы этих птиц, ковыряется на набродах дроздов, не западающих на земле и не дающих, как и рябчик, возможности сделать стойку, за исключением плохо летных молодых. Стойки над жаворонками нередки, причем процент пустых стоек по этой птице бывает довольно значительный.

Пристрастие некоторых легавых к птичкам, особенно при настойчивом его выражении, насколько мне удалось проследить, всегда отличало собак, не обладавших чутьем.

Пристрастие к зайцу. Одни собаки относятся к зайцу с азартом, другие только с любознательным интересом, и то и другое отношение не колеблет полевых достоинств легавой, так как в умелых руках легавая не предается профессии гончей. Важно не ставить собаку в такие условия, в которых она могла бы прирастаться к этому милому для охотника при других обстоятельствах зверку.

От тех условий, при которых собака будет проходить натаску, зависит главным образом то или иное отношение к зайцу, а степень пристрастия лежит в большей или меньшей унаследованности талантов отдаленных предков из гончих.

Рассудочность щенячьего возраста, смутно намечавшаяся тогда совокупностью незначительных действий, развивается по мере возрастания собаки.

В зависимости от горячности и нервности характера рассудочность ослабляется, словно теряется в период натаски, когда охотничья страсть сталкивается с трудно преодолеваемыми соблазнами. Но как было сказано о возрождении потерявшихся было достижений, полученных правильными приемами обучения, так можно сказать и о возрождении и о расцвете природных способностей, которые под влиянием захватывающих впечатлений вдруг падают в собаке.

Как только осуществление собакою природной стойки получит одобрение хозяина, как только чутье приспособится к различению запаха следа от запаха самой птицы и к нахождению самой птицы, и как только эти два явления (стойка и работа чутья) создадут в собаке потребность в присутствии тут же человека-хозяина так начнется истинное проявление рассудочности.

Стойка. Без прирожденной способности к стойке легавой нет смысла заниматься натаскою собаки.

Неправильный подбор производителей и разные другие условия влекут за собою дегенерацию и утрату в собаке закрепленных в ней человеком необходимых качеств для совместной охоты. Благодаря этому встречаются экземпляры, которые, обладая всеми прочими качествами легавых, утратили способность к стойке. Такие собаки, конечно, никуда не годятся.

Одни собаки сразу проявляют свою наследственную способность, другие, не умея еще владеть чутьем, приспособляются через несколько дней. Во всяком случае, когда собака не осуществляет природной способности к стойке вскоре же в течение первых выходов (2-5) в натаску (при условии достаточного количества дичи и должного возраста собаки), то такие явления надлежит считать отклонением от нормы.

Проявление чутья. Чутье настолько важное первостепенное качество, что легко решает вопрос о полевом первенстве собаки. Чутье проявляется во всей силе лишь после известного опыта собаки. В отделе оценки поставленной собаки придется поэтому подробно остановиться на интереснейшем во всех отношениях и научно недостаточно исследованном обонятельном аппарате собаки.

У собаки, нормальных способностей, чутье проявляется во время натаски так же скоро, как и осуществление стойки, являющейся остановкою по указанию чутья. Под чутьем следует признавать не простое появление обоняния, благодаря которому собака различивает и различает запахи на земле и в воздухе, а способность определить на расстоянии местонахождение затаившейся или передвигающейся птицы (дичи).

Собака обычно в первый же выход находит дичь или причуивает ее, когда охотник подводит собаку к месту, куда переместилась птица. Причуивание легавою дичи сказывается в особом поведении собаки и завершается стойкой. Бывают собаки (и при том в будущем хорошие полевые работники), которые долго не принимаются за работу как

следует; чаще, однако, такие экземпляры являются неважными полевиками, а то и вовсе негодными по причине плохой наследственности вообще или же по отсутствию чутья.

Собаки, психически не развившиеся, несмотря на годовалый возраст, или же болезненно нервные, принимаются иногда за дело на второе, а то и на третье поле, другими словами добрую треть своей работоспособной жизни являются животными бесполезными.

Полевая работа собаки, а также и сила чутья проявляется довольно определенно с первых же шагов. Все оттенки чутья, конечно, еще не могут быть точно расценены, но без сомнения чутье хорошее — сильное, дальше — выявляет себя скоро и достаточно определенно. Собаки чутыстые таковыми себя и показывают, иногда сразу, иногда через несколько выходов в поле.

Неудовлетворительное проявление чутья не по вине аппарата чутья выправляется практикою, но безнадежным является слабое от природы чутье.

При первоначальных шагах надо принимать во внимание неопытность собаки, неумение пользоваться воздушными течениями и приспособлять свой ход к работе чутья, а также то нервное возбуждение, которое испытывает молодая собака, горя нетерпеливою охотничьей страстью. Причины эти нередко заставляют ошибочно заподозреть бесчутость, на самом же деле в один прекрасный день чутье начинает работать, удивляя своей остротой и дальностью.

Среди неудачных собак бывают такие, которые делают картинные пустые стойки, служащие в общем доказательством плохого чутья, и такие, которые не делают в первые выходы никаких стоек, обладая, как вскоре обнаружится, прекрасным чутьем.

Оценка работы поставленной собаки

Чутье

Одним из замечательных явлений в природе собаки представляется аппарат чутья.

Может быть чутье поражает наше внимание оттого, что мы сами обладаем настолько слабым обонянием, что сила и точность чутья собаки нам кажутся явлением необычайным. Разве не удивительно, когда легавая на большом протяжении ведет верхом, как по струне, по следу бекаса, пробежавшего на своих тоненьких пальцах по трясине, едва касаясь ее? Не менее удивительно, что аппарат чутья настолько тонок, что с одинаковой точностью и силой воспринимает и след мелкой птички, как бекас, и такой крупной, как глухарь, который, улепетывая от собаки, задевает перьями боровой вереск, производя шорох, пробегает неслышно под влажными опахалами папоротника, колыхая их спиною, и оставляет на моховом болоте следы крупных крестов своих лап. Удивительно и то, что собака, ведущая безостановочно по горячему следу бегущей птицы, отличает след и места временного западания птицы по пути от запаха самого тела птицы, т.е. различает чутьем место, где птица находится, от того места, где она находилась секунду тому назад.

Чутье несомненно является ценнейшим природным полевым качеством легавой собаки, но степень и силу его определить, особенно в короткое время, труднее, чем любое из остальных полевых достоинств, так как чутье одной и той же собаки в зависимости от разных условий проявляется не одинаково.

Аппарат чутья работает различно, в зависимости от физических условий окружающей обстановки и от состояния здоровья и от психики собаки. Работа аппарата чутья нарушается от весьма многих причин. Вмешательство человека в свободный привычный ход и поиск собаки, охотничья страсть неопытной собаки и недостаточность тренировки и состояние воздуха — сухость, неподвижность и заслоны, останавливающие движение запаха, и сильные посторонние ароматы и др. причины имеют громадное влияние на степень проявления чутья. И эта зависимость чутья от разных условий, в том, числе и от опыта собаки, — делает разрешение вопроса об его оценке далеко не таким легким.

Чтобы яснее понять массу содействующих или противодействующих чутью условий окружающей среды, нелишне приравнять восприятие чутьем запаха дичи — восприятию слухом звука, Иногда звон или гудок слышен в деталях, иногда его вовсе не слышно на том же расстоянии, а иной раз тот же звук становится ясным на протяжении вдвое большем.

К числу главных условий, лежащих в окружающей природе и влияющих на работу чутья, относятся: движение и состояние воздуха, сила заслонов на пути от дичи к собаке и характер и свойство покрова земли. Ровный низовой ветер весьма способствует дальнему причувиванию. Напротив, ветер порывистый или очень сильный затрудняет работу чутья.

Весьма благоприятна тяга воздуха, которая по незначительной силе своей не может быть названа ветром. Такое иногда еле заметное движение воздуха является одним из благоприятнейших условий работы собаки, особенно в лесу. Отсутствие ветра, следовательно, не свидетельствует еще об отсутствии и благоприятной обстановки для чутья. Так, напр., утренние и вечерние зори, дающие перемену температуры воздуха, охлаждение или нагревание почвенного покрова и вызывающие благодаря этому некоторое движение воздуха являются условиями весьма хорошими для использования чутья.

Сходное движение воздуха — тяга — получается и в начале осени, тем более солнечной, когда разница ночью и дневной температуры представляет собою значительно больший контраст, чем летом, благодаря чему затененные места продолжают давать в течение дня непрестанно струящуюся прохладу. Увлажненное состояние воздуха способствует работе чутья: напротив сухой, знойный, безветренный воздух, препятствуя распространению запаха по воздуху, затрудняет работу.

Заслоны, поскольку они представляют преграду для следования запаха дичи по воздушным течениям, являются препятствием для обоняния на расстоянии и четкого определения, чутьем местонахождения дичи; однако, заслоны, способные не только задерживать, но и постепенно пропускать запах дичи, имеют положительное значение, содействуя сгущению запаха — скапливанию его и равномерному истечению.

Заслоны бывают разнообразные: кустарники, кочки, углубления в земле, трава разного роста и плотности, посеы хлебных злаков, хвощи и т. д.

В зависимости от высоты и плотности заслонов запах дичи выбивается из толщи заросли либо вверх, либо горизонтально или застревает под заслоном в гуще

растительности. Течение запаха поэтому не всегда следует по определенной прямой воздушной дороге, а, встречая препятствия, уклоняется вместе с воздушными течениями от первоначального направления, как это делает шарик в игре «бикс», ударяясь о металлические колки. Таким образом, запах дичи, плывущий зигзагообразными путями, затрудняет работу собаки по определению точного местонахождения дичи.

Травяной покров, превышающий уровень головы собаки, сильно препятствует работе чутья. При значительной вдобавок плотности такого покрова запах дичи выбивается вверх, минуя аппарат чутья. Густая или широкоствольная трава и растения, хотя бы и не столь высокие, препятствуют прохождению запаха дичи или же сбивают, как было сказано, течение этого запаха по прямой дороге, заставляя его плыть под углами, и затрудняют верную пойнтировку.

Течение запаха по прямой линии, не изменяемой ни заслонами, ни сильным или порывистым ветром, а следовательно, линии прочные на довольно большом протяжении являются условиями наилучшими для дальнего и четкого проявления чутья. Затруднения собаки в пойнтировке коростеля отчасти объясняются не одним отбеганием его от собаки, а извилистыми путями, по которым плывет запах этой птицы в густой траве, благодаря зигзагообразным коридорчикам-туннелям, проложенным в траве. Таким образом даже при западании коростеля собаку сбивает беспрестанно подновляемый запах этой птицы в ее ходах — коридорчиках.

При отсутствии достаточного движения воздуха или при наличии значительных заслонов способность собаки причуять птицу, вошедшую с чистого места в крепь, сильно облегчается по сравнению с причуиванием птицы, прилетевшей и севшей в ту же крепь.

Среди трудных для причуивания условий следует отметить моховые основные болота, особенно в жаркий, безветренный день. Моховые кочки, заросшие удушливыми богульниками и сплетениями гонобобеля и черники с углублениями между кочек и пучков растений, создают такие условия, что запах дичи, сидящей в складках между кочками или в зарослях перечисленных растений, остается недвижимым под их зонтами. В этих случаях особенно склонны проходить (не чувствовать) дичь верхочутые собаки.

Среди охотничьих угодий попадаются участки, лишенные травяного покрова с так называемым голым полом. Естественно, что характер покрова земли, воспринимающего запах пробежавшей птицы и сохраняющего этот запах некоторое время, не безразличен, независимо от того, проводится ли собакою следовая работа верхним или нижним чутьем. Для той и другой работы собаки важно, чтобы покров земли сохранял на себе наибольшее количество запаха дичи, как бы впитывая в себя этот запах и препятствуя его быстрому исчезновению.

На голой поверхности земли след дичи оставляет, судя по работе собаки, значительно меньше запаха, по всей вероятности, вследствие того, что на пути бегущей птицы нет предметов, в виде травы, веток кустарника и т. п., с которыми птица соприкасалась бы, и единственным источником запаха дичи служит след птицы в буквальном смысле, т. е. места прикосновения к земле лапок птицы. Запах дичи в местах без травяной растительности (опять-таки судя по работе собаки) держится менее продолжительное время, — он расходится, не придерживаемый прикрытиями. Плохой средой для работы чутья являются пространства, покрытые водой. В таких местах с очевидностью заметна потеря собакой руководящей нити запаха и перебойное восприятие его по торчащей растительности, как по вехам. Но ведь надо, чтобы вехи эти были, да при том расположенные с несlišком редкими промежутками

Если пространства, залитые водою, являются плохой средой для проявления чутья, то влажность почвы или увлажненность травяного покрова весьма благоприятны. Выше было упомянуто о значении утренних и вечерних зорь, вследствие вызываемых ими охлаждения или нагревания почвы и, следовательно, движения воздуха; здесь же необходимо отметить, что зори являются временем большею частью желательным для полного проявления чутья собаки именно вследствие увлажненности травяного покрова. О преимуществах зорь по причине свежих набродов кормящейся птицы, говоря о чутье, упоминать не следует, так как это обстоятельство скорее относится к условиям охоты. Небольшой дождь, как бы смывший посторонние запахи и освеживший травяной покров, после которого птица дала наброды, создает так же, как и роса, четкую нить запаха набродившей птицы, ясную для чутья собаки, как след по пороше для зрения охотника.

Невысокая трава, значительно ниже уровня головы собаки, не слишком густая, без задержек пропускающая запах дичи, словно через сито, без сомнения выгодна для проявления всей силы чутья. Благоприятною средой являются и скошенные луга, в которых птица иногда и не может затаиться, но след ее в таких местах хорошо и четко воспринимается как верхним, так и нижним чутьем. Как мне кажется, это основано на том, что запах птицы хорошо держится на многочисленных точках—шпилях подрастающей травы, ровной, как щетка, и легко передается ими на расстояние без рассеивания именно благодаря щетине травы.

Чутье — свойство врожденное и усилить его не во власти человека. Сила и характер чутья бывают различные, в зависимости от наличности и полноты элементов чутья и от приемов работы чутья.

Разные приемы работы чутья позволяют отличить следующие характерные его проявления: высокий верх, верхняя следовая работа, нижняя следовая работа и работа смешанная.

Под высоким верхним чутьем я подразумеваю способность чутья работать, руководствуясь исключительно запахом самой птицы, не прибегая к верхним следовым приемам, не отмечая наброды, извилины самых свежих следов и тем более вовсе не обращая внимания на следы менее свежие, по которым нижней следовой работой соответствующая собака все же могла бы довести до птицы. Собака с высоким верхом не руководствуется линией следа, а линией воздушной тяги, несущей запах тела птицы.

Степень руководства собаки линией следа мне приходилось проверять на работе собак с разными проявлениями чутья над разными видами птиц. Как же можно это проверить, спросят многие искушенные опытом читатели?

Во время натаски и охоты не раз приходилось наблюдать поведение собак при самой встрече следа и дальнейшее влияние на приемы работы этого следа, видимого на росе, пыльной земле или обозначаемого направлением бегущей на глазах птицы.

Бывает пора солнечного утра, когда выводок тетеревей оставляет на полянках по серебру росы характерные дорожки, позволяя проследить линии направления птиц и работы собаки. Пришлось наблюдать те же явления, свойственные высоко верхочутым при работе по стайкам серых куропаток, пробегавшим дороги и оставлявшим на пыльной земле отпечатки своих лапок, а также бежавшим по отаве лугов. Много раз приходилось наблюдать работу собаки по видимому мне бегущему между пучками осоки, по грязевым плешинам турухтану.

Высоковерхочутые собаки чаще не обращали внимание на самое место встречи с видимой мне линией следа и реагировали иногда значительно ранее встречи, а то и значительно позже, т. е. тогда, когда они попадали в полосу движения воздуха, несущую запах не только следа, но и запах самой птицы, находящейся иногда на таком расстоянии, что чутье не давало еще приказа сделать стойку.

Только тогда, когда след и встречное течение воздуха совпадали линиями, высоковерхочутая собака шла следом.

Собака, обладающая высоким верхом, не наклоняет головы к следу ни при встрече со следом, ни на потяжке — она ловит запах не на земле и наземных предметах, а в надземных слоях воздуха. Линия потяжки поэтому не совпадает с линией следа, который бывает нередко извилист, не всегда совпадает линия потяжки с линией убегающей от собаки птицы, так как высоковерхочутая собака руководствуется запахом самого тела птицы и, имея именно такое свойство чутья, старается нагнать, остановить, обложить птицу плавною быстрою потяжкою наивозможно прямыми линиями.

Я не сомневаюсь, что высоковерхочутые собаки, обладающие опытом, не непрерывно идут линией слышимого ими запаха тела птицы, а нередко пересекают с тою же настороженностью менее насыщенные этим запахом пространства с уверенностью попасть снова в четкую воздушную волну. Когда приходилось наблюдать потяжку верхочутых собак по видимой мне бегущей птице, то линия хода собаки не совпадала с линией следования птицы и нередко шла на значительном расстоянии то вдоль, то в направлении к пересечению следа, сокращая путь, игнорируя петли.

Этот тип в классе легавых находит соответствующих представителей среди гончих. Гончий верхочут гонит, не приклоняя головы к следу, идет нередко далеко от следа пробежавшего зверя и, благодаря умению руководствоваться ветром, старается ловить запах самого зверя, сокращая расстояние. Легавые с высоким верхом встречаются реже, чем просто верхочутые.

Высоковерхочутая собака вообще не обладает более сильным чутьем, чем просто верхочутая или же собака со смешанными приемами, а работа ее носит только более ярко выраженное свойство верховой работы с пренебрежением следовою.

Представляет ли собою идеальный тип охотничьей собаки высоковерхочутая собака?

Собака, обладающая высоким верхом, руководствуется, как было сказано, почти исключительно запахом самого тела птицы, и потяжки таких собак свидетельствуют о неменном присутствии птицы, между тем как собаки со следовой работой способны отмечать — тянуть и по следу уже переместившейся птицы. При охоте по строгой взматеревшей птице, в зарослях особенно, высоковерхочутые представляют громадное преимущество, предуказывая, как по струне, линию местонахождения птицы и, следовательно, вероятное направление при взлете. С другой стороны, такие собаки, не обращая внимания (по свойству своих приемов работы) на следы вообще, а тем более на не особенно свежие — приравливают аппарат чутья только к воздушным течениям и переходят (пересекают) следы, не отмечая их и часто не попадая в такие воздушные течения, которые принесли бы с собою запах тела птицы.

При тяжелых условиях работы (жара, отсутствие воздушных течений, сухость воздуха, сильные заслоны и др. причины) высоковерхочутые становятся менее пригодны, чем собаки, обладающие, кроме верха, и способностями к следовой работе и при том иногда

— нижней. Высоковерхочутая собака идеальна при густом населении дичи. В местности же с редким расселением птицы на больших однообразных пространствах пренебрежение следовую работою и набродами, в частности для охоты, невыгодно,

Описание работы высоковерхочутой собаки значительно облегчило определение другого приема работы чутья — «верхней следовой работы», противоположностью коей является нижняя следовая работа.

Легавая с верхней следовой работой или другими словами просто верхочутая руководствуется как запахом самого тела птицы, так и запахом свежего следа. Верхочутая собака не отмечает следы негорячие, преследуя цель скорее попасть в волну свежего запаха; это — своего рода приемы охотника, тропящего русака и откидывающего следы жировочные, следы не на лежку.

Верхочутая собака несет на потяжке высоко голову, независимо от того, причувствует ли она запах самой птицы или горячего следа, ловя запах следа в надземных слоях воздуха.

Верхочутая собака, в отличие от высоковерхочутой, склонна вести горячим следом по линии его, когда запах самой птицы еще не доступен чутью. Верхочутая собака не применяет, однако, низовую следовую работу. Верхочутость является прекрасным проявлением чутья легавой.

При разыскании быстро удирающего подранка и вообще убегающей птицы, резко меняющей вдобавок направление, один высокий верх, без руководства следовую работою, иногда даже нижнюю, не в состоянии сбиваясь поймать в воздухе волну запаха, тем более, что направление, принятое птицею, далеко не всегда соответствует благоприятным для собаки воздушным течениям.

Нижняя следовая работа отличается нахождением собакою птицы преимущественно по следам низом. Эта работа выражается иногда в чрезмерно медленном выслеживании всех малейших разветвлений набродов и несносна, когда переходит в копание, ковыряние. Собака при разбирании следов на потяжке держит голову опущенной к следу и только обычно перед самую стойкою и на стойке приобретает вид победителя.

Несомненно, нижняя следовая работа приводит к птице значительно медленнее, чем верховая. По взматеревшей строгой птице такая работа затрудняет стрельбу, благодаря неточному указанию собакою прямого направления, принятого убегающей птицею, и трудно поэтому предопределить вероятную линию полета, что особенно важно в чаще. При нижней следовой работе строгая птица чаще взлетает на потяжке, чем при работе верхочутых. Нижняя следовая работа способна, однако, расшифровать наброды не первой свежести, найти концевой след или ориентироваться следами и, путем кругового обследования, пересечь след более свежий или же зачуть самую птицу.

Нижняя следовая работа в конечном итоге понятно завершается причувствованием собакою самой птицы. При попадании собаки на доступное чутью расстояние до птицы, нахождение птицы завершается стойкою и без предварительной следовой работы.

Нижняя следовая работа обычно дает как результат ее стойку на более близкое расстояние, чем у собак верхочутых. При нижней следовой работе чаще отмечаются места, где птица западала.

Приемы низовой работы не являются результатом плохого чутья, а представляют собою наследственный навык.

Смешанная работа складывается из проявлений преимущественно верхнего чутья обоих оттенков (высокого верха и верхней следовой работы с использованием, где нужно, некоторых приемов нижней следовой работы. Это чрезвычайно удобная и добычливая комбинация всех приемов работы чутья и особенно ценна для работы по куриным.

Работа смешанная, в которую вливается больше низовой, чем верхней следовой работы, конечно, является менее ценной.

Прекрасное свойство голого верхнего чутья, дающего массу преимуществ, о которых говорилось выше, иногда обнаруживает на охоте, особенно в лесу в дневную пору, недостаток из-за отсутствия некоторых следовых приемов работы.

Привожу описание характерного примера преимуществ смешанного чутья из прекрасной статьи В. Селюгина «О верхнем чутье гончих и о нижнем — у легавой» (журн. «Охотник» № 12, 1928 г.).

«Проохотившись сорок лет по серым куропаткам и по белым и по тетеревам в местности с обширными пространствами, с редко размещенной на них птицей, я пришел к тому заключению, что для отыскания как выводка, так и одиночек играет роль не только широта поиска, но и врожденная способность собаки пользоваться для отыскания птицы ее следом в тех случаях, когда сама птица недосягаема для верха.

Всех собак, с которыми я охотился, я натаскивал сам. У меня была не так давно линия ирландцев по тогдашним временам «высокой марки» (кровей Пади, Рейона де Лихославль, Золушки) с дивным врожденным поиском, мягких в натаске и в большинстве анонсировавших уже по первому полю. По болоту это, вероятно, были бы выдающиеся работники, но на охоте по куриным у некоторых из них наблюдалось если не отвращение к следу, то явное его игнорирование. Таким образом то, что ценно по красной дичи и по куриным в местности с массой дичи, являлось их отрицательным качеством здесь, при редком размещении ее.

Взяв однажды утреннее поле, мы (трое — с ирландцами, высоких полевых кровей, а один — с кургузым немцем Вотаном), отдохнув на суходоле, собирались опять разойтись по мхам и боровинам. Было жарко, и мы все вместе спустились к мочажине, чтобы освежились собаки. У самой воды Вотан, трясая своей сигаркой, закопался, очевидно, на набродах, обрезав, выправил след и, уткнув нос в мох, повел. Наши три ирландца были тут же. В поиске при пересечении следа они «отмечали» его и... тем дело кончилось. А Вотан, с каждой полусотней шагов все выше и выше отрывая свой нос от земли, уже уверенно вел по следу утолившей жажду и теперь отправившейся чуть не за километр на ягодник птицы. Дело шло по ветру, и наши ирландцы так и не захватили в своем поиске выводок, и их, из боязни наскока, пришлось взять к ноге. А Вотан подал нам выводок чисто, как верхом против ветра, с поднятой головой по следу и по ветру. Когда к переместившимся из-под ветра куропаткам подвели мы своих ирландцев, то и поиском и красотой работы и, пожалуй, чутьем и, так сказать, быстрой расправой с птицей они уже били немца. Но было ясно, что этот выводок, ушедший с водопоя в противоположную сторону да еще по ветру, остался бы не найденным, если бы не Вотан».

Сила чутья бывает различная так же, как различны только что описанные верхние, нижние и смешанные приемы работы чутья. Сила чутья зависит от степени развития и

проявления составных элементов чутья и гармоничности их сочетания. Сила чутья, судя по внешним проявлениям его, складывается из трех элементов: дальности, четкости (острота) и осознанности.

Расстояние, на которое собака способна причуять дичь, является определителем дальности чутья. Для оценки охотником чутья легавой необходимо, хотя бы примерно, определить то расстояние до птицы, которое под силу чутью, ту досягаемую одним из элементов чутья (дальностью) дистанцию.

Прежде всего при оценке силы чутья вообще, а дальности чутья особенно, необходимо иметь в виду условия, содействующие и противодействующие. Причуивание, например, на сравнительно небольшое расстояние по ветру в подавляющем большинстве случаев значительно ценнее, чем причуивание на большее расстояние, но против ветра.

Человек и тот способен при благоприятных условиях обонять запахи на значительном расстоянии, например, запах дыма от костра можно почувствовать, скажем, за 0,25 километра, примерно, а проходя лесом, ясно различаешь плывущий запах богульника из болота, расположенного на несколько десятков метров и т. п. Нет сомнения, что благоприятные условия позволяют и собаке установить присутствие птицы на громадную дистанцию. Мне приходилось точно зафиксировать случай причуивания собаками бекасов, тетеревов и другой дичи на расстоянии до 120 шагов.

Многие читатели, а в особенности если среди них будут причастные к судейству на полевых испытаниях, скажут, что это ошибочные примеры, что собака в тех случаях причуяла не птицу, а след, который находился от собаки значительно ближе, и что, руководствуясь этим следом, собака довела до птицы. Конечно, в приводимых ниже примерах речь идет не о следовой работе, которая может происходить и на протяжении хоть с километр, отнюдь не доказывая дальности чутья, а при отсутствии сбивок и при уверенной потяжке, как по струне, будет свидетельствовать о четкости чутья.

Вот эти примеры.

Большой, совершенно сухой луг был скошен вторично, как говорят, под гребенку; отава еще не двинулась, и щетинка была настолько коротка, что и воробью спрятаться было негде; в конце этого луга была ямка-прудок, метров 20 в окружности с илистым берегом, поросшим осокою и пучками тростника. Проходя августовским: днем по этой пожне, собака (пойнтер), не шедшая в поиск, так как место и по моему и по ее понятию было негодное, — вдруг приземлилась и, крадучись, быстро потянула по направлению к прудку против ровного, но упорного низового юго-западного ветра; не дойдя шагов 20 до прудка, собака окончательно остановилась — вылетел бекас, которого я убил. То были дни дупелиного пролета, и я ежедневно возвращался домой этим же лугом, причем в течение нескольких дней погода была совершенно одинаковая при том же ветре. На второй день, проходя тем же путем, я с того же места, откуда накануне собака прихватила бекаса, напомнил ей о новой возможности, указав рукой на прудок; собака пошла вольным галопом прямо к прудку, очевидно, прекрасно помня вчерашнего бекаса и, обежав бесстрастно вокруг, вышла на дорогу. На третий день я снова возвращался лугом, и собака опять с того же места — 120 шагов до прудка — на согнутых ногах, крадучись, строго, как по струнке, повела к прудку, и твердо остановилась, — с прежнего места вылетел бекас, а после выстрела пара заднежавшихся здесь крякв.

Однажды, заканчивая натаску английского сеттера, я ходил среди мелкоколосья по сенокосным горушкам, чередовавшимся с объемистыми хвойными островками —

ягодниками. Собака сделала картинную стойку с полного хода, пойнтируя на лежащую около опушки засохшую еловую макушку. Сделав несколько шагов, мы подняли молодого черныша, который, влетев в мысок островка в середине его в узком перешейке, залопотал крыльями при посадке и шлепнулся. Так как островок этот представлял собою не широкий, но длинный ремень, я решил пойти за переместившеюся птицею, но, чтобы не ходить болотистым лесом, стал до пересечения его обходить вдоль, держась по склону, безлесной горы шагах в 50 от опушки. Собака, шедшая выше по горе, вдруг круто остановилась и, повернув к острову, строго потянула, высоко подняв голову. Пройдя лесом от опушки 15 шагов, собака сделала твердую стойку. Это было как раз место узкого перешейка, где сел перемещенный нами петушок. Действительно мы подняли снова нашего черныша и, обойдя подробно островок, не обнаружили больше ни птиц, ни набродов. Расстояние от места, где собака с поиска галопом приостановилась и круто повернула в сторону острова на потяжке, до места, где собака сделала стойку по сидящему петушку, оказалось в 72 шага. Из этого елового островка, тенистого и сырого, шла тяга воздуха на солнечный скат, по которому бежала собака.

Помню также четкий случай, когда, разыскивая с гордоном серых куропаток по чистым полям, я, подходя к незначительной роще тоже среди поля, заметил, что мой гордон стал метаться по луговине, высоко задрав голову, затем приостановился и, как по струне, пошел к роще, отстоявшей от того места в 95 шагах; на самой опушке собака сделала стойку; подавшись вперед, чтобы поднять птицу на крыло, собака уперлась, круто опустив голову книзу; я стал наглядывать птицу, осторожно раздвигая ветки можжевельного куста, над которым стояла собака; в бронзовых ветках и в желтой травке я с трудом насмотрел маленького тетеревенка, с дрозда; едва он успел вспорхнуть, как впереди с отчаянным квохтаньем поднялась матка с несколькими цыплятами. Выводок этот был сильно запоздалый и не было сомнения, что он никоим образом не мог по возрасту своему вылететь на совершенно чистое поле без единого кустика, да еще среди дня, и нет сомнения, что собака прихватила выводок именно на указанном расстоянии по ветру.

Много было и других случаев, доказывающих, что собака при особо благоприятных условиях чует птицу на большое расстояние. Приведенные случаи рекордных дистанций интересны, так как они приближают нас к выяснению обсуждаемого предмета, интересны, как известный предел дальности чутья, с которым необходимо сопоставить средние дистанции причувания легавою птицы, взяв повседневные обычные случаи охотничьего дня.

Говоря об определении дальности чутья, следует иметь в виду причувания собакой запаха только самой птицы, а не оставленного ею запаха; причувание может быть выявлено потяжкой или стойкою.

Определению дальности чутья точной мерой длины часто препятствует трудность установления расстояния от места, где собака причуяла, до места, где в этот момент действительно находилась птица. Возьмем пример, когда собака причуяла птицу, находящуюся шагах в 20, но птица, услышав шорох, удалилась пешком шагов на 30 и запала в густых зарослях. Нельзя же на основании этого сказать, что собака учуяла птицу на 50 шагов.

Определение расстояния не вызывало бы затруднений, если бы птица находилась на глазах охотника, но тогда, однако, возникло бы другое препятствие, заключающееся в том, что собака могла отмечать птицу не чутьем, а зрением.

Более или менее верное расстояние удастся установить или при особенности местности, когда окружающая обстановка такова, что не допускает возможности птице находиться в ином месте, чем то, которое пойнтирует, или куда тянет собака, или же определение возможно в некоторых случаях перемещения птицы на глазах в место, отличающееся характерными особенностями от окружающей обстановки. Переместился, скажем, бекас и ясно сел у самого стога осочистого сена. Если расстояние до этого стога много больше сотни шагов, то при однообразной дали болотной равнины, словно задернутой вуалью испарений, ошибка в расстоянии на 2-4 десятка шагов обычна.

Точное определение места посадки переместившейся птицы можно сделать только на близком расстоянии, но тогда и собака нередко видит место посадки, и приходится, заметив место, заняться работой по другому направлению и затем, спустя некоторое время, подойти к замеченному месту. Опытный охотник сумеет отличить, работает ли собака на потяжке, чуя самую птицу, или ведет верхом по следу.

Работа по перемещенной птице не всегда трудная, как это полагают. Прежде всего на трудность работы вообще влияют благоприятные и неблагоприятные условия окружающей среды. При неблагоприятных — собака может причуять птицу на многочасовой сидке со значительно более близкого расстояния, чем при благоприятных условиях, птицу, перемещенную, не обидевшуюся, не успевшую накопить запаха на сидке.

Вторым чрезвычайно важным обстоятельством является — села ли птица сразу или дала предварительно хотя и небольшой след.

Третье не менее важное условие составляет психическое состояние птицы: поднялась ли она в сильном испуге (нагоненная, молодая, беспомощная и т. п.) или подъем совершился без особого страха (в местности, где птицу мало тревожат). Характернее всего сполох отзывается на птицах, долго живущих семьей (выводком), и при том главным образом на молодых экземплярах. Птицы, поднявшиеся в сильном испуге, быстро или сразу разбиваются и при посадке не дают следа, а, влетев в куст, в густую траву, в ямку, падают, раздвигая своим телом ветки, траву и другое прикрытие, — проваливаются, так сказать, а за ними захлопывается гуща веток или стеблей трав; они сидят недвижимо и словно в подземелье. Таким падением скрываются птицы и от пернатых хищников и этот навык существует, следовательно, в природе дичи.

Любой опытный охотник знает из своей практики, что мелкие тетеревята, поднимающиеся с жалобным писком, в беспомощном испуге прибегают именно к такому способу ухоронки, и переместившуюся такую птицу собаке найти, конечно, очень трудно. Некоторые охотники говорят, что птица в таких случаях «запирает дух» и что ее поэтому собака никак найти не может. Согласиться с буквальным смыслом такого положения нельзя, но в широком смысле приведенного выражения звучит истина, так как «дух» схоронившейся от преследования птицы действительно «заперт» прикрытиеми, словно люком в подвале и отсутствием следа.

И на самом деле должны же различаться приемы спасания всякого животного, в зависимости от степени преследования, и нет сомнения, что природа наделила птиц способностью более или менее бесследно скрываться (проваливаться) от обонятельных способностей четвероногих врагов и от зрения пернатых хищников.

Обычное расстояние, на котором легавые причуивают птицу, безразлично, будь то бекас или глухарь, колеблется между 5-50 шагами, в зависимости от чутья и внешних условий.

Для чутыистой собаки расстояние, на котором она обычно причуивает птицу, будет приблизительно 20-50 шагов. Такое чутье считается хорошим. Для чутья среднего это расстояние колеблется приблизительно между 12-30 шагами и для чутья ниже среднего — приблизительно 5-15 шагов. Вот приблизительно дистанции, определяющие силу одной из составных частей чутья — дальность, на обычной работе легавых. Это определение не точное, а приблизительное, но достаточно верное в своей основе и градациях.

Вторым элементом силы чутья является четкость. Четкость определяется остротой чутья, которая позволяет собаке верно и уверенно идти на потяжке к птице прямыми линиями (за исключением случаев чисто следовых приемов работы), отсутствием в большинстве случаев тугой потяжки и способностью своевременно отмечать птицу стойкою на такой дистанции, чтобы отнюдь не подпирать ее, оставляя расстояние на подводку (преследующую цель поднятия птицы при подходе охотника). Четкость чутья выражается верными стойками с быстрого хода и без всяких потяжек, а также весьма характерными для четкости чутья молниеносным падением собаки с полного хода при внезапной встрече со струей запаха, в котором, благодаря четкости чутья, собака отличала не запах следа, а запах самой птицы. Эта способность собаки во всех проявлениях работы различать запах самого тела птицы от запаха следа составляет одно из важнейших проявлений четкости чутья. Четкость чутья проявляется и в отсутствии пустых стоек и продолжительных задержек в местах бывших сидок птицы и в отсутствии медлительных, нерешительных потяжек. Четкость всегда сопровождается верною поинтировкой (указание местонахождения птицы), дающей возможность подготовиться к стрельбе в зарослях, выбрать просвет, избежав те заслоны, которые иногда совершенно скрывают птицу на полете и оставляют охотнику впечатление одного хлопота крыльев.

Под осознанностью (третий элемент) чутья я подразумеваю способность собаки пользоваться чутьем сознательно:

- 1) различать расстояние до птицы, отмечая ее присутствие, сообразно обстоятельствам, дальней или ближней стойкой,
- 2) распознавать поведение птицы, ее количество, качество и свойство (таящаяся, убегающая, кормящаяся, смиренная, одиночка, стайка, дичь, или птичка, раненая), применяя соответственные приемы работы,
- 3) приспособить умело работу чутья к воздушным течениям,
- 4) осуществить тот или другой прием работы чутья (верхняя и нижняя следовая работа),
- 5) приноровить быстроту хода и манеру поиска к требованиям чутья и др.

Осознанность чутья — своего рода врожденный опыт чутья; однако, осознанность эта не является результатом голого опыта вообще, который укрепляет все полевые достоинства собаки. Многие проявления осознанности чутья не могут быть осуществлены без элементов четкости. Четкость же чутья может проявляться и без элемента осознанности — автоматически, но несомненно менее ярко.

Многие признают весьма веским доказательством силы чутья способность собаки отмечать продолжением стойки всех неподнявшихся еще птиц, несмотря на то, что часть птиц уже взлетела из-под той же стойки. Несомненно, что продолжение твердой стойки впредь до подъема всех затаившихся птиц является необходимым и хорошим качеством,

свидетельствующим о проявлении осознанности чутья, но я вовсе не склонен разделять мнение, что такое поведение собаки служит доказательством особой силы чутья.

Если птицы на сидке расположены в одной и той же сфере охвата чутьем, то было бы ненормально со стороны легавой (даже первопольной) не чутать оставшуюся на сидке дичь и сойти со стойки.

Если ставить в особую заслугу чутья способность собаки продолжать отмечать стойкого оставшихся на сидке птиц, то почему же не ставить ей в особую заслугу продолжение потяжки по следу убегающих птиц, несмотря на то, что 2-3 из них слетели. Я полагаю, что отметка стойкою всех птиц, сидящих в сфере охвата их чутьем, является обыденным требованием к одному из элементов чутья — осознанности.

Случаи раздельной пойнтировки птиц восхваляются особо, потому, как мне кажется, что случаи эти являются рядовыми стойками, дающими поэтому большее впечатление, как бывает, скажем, при нескольких рядовых хотя и нетрудных выстрелах, не сходя с места.

Для оценки работы легавой важно предварительно установить, который из элементов чутья — дальность, четкость или осознанность важнее для полевой деятельности, для охоты. Для решения этого вопроса необходимо, мне кажется, принять следующую характеристику взаимоотношений элементов чутья: дальность без четкости не дает удовлетворения, а без осознанности теряет в продуктивности, красоте и стиле работы; четкость без дальности при энергичном ходе и хорошем поиске дает все же хорошего полевого работника, а без осознанности теряет значительную долю ценности, проявляясь автоматически. Осознанность без дальности, но при четкости дает удовлетворительную работу, а без четкости теряет значительную долю ценности.

Таким образом, наиважнейшим элементом чутья для подружейной рабочей легавой является как будто четкость. Понятно, что соединение в собаке всех элементов чутья дает наивысшее сочетание, наилучшее чутье. Во всех приемах работы чутья (высокий верх, верхняя, нижняя следовая работа и смешанная) все элементы чутья (дальность, четкость и осознанность) способны проявляться, за исключением элемента дальности, в нижней следовой работе.

Стойка

Стойка является одним из важнейших полевых достоинств легавой. По существу стойка наиболее необходимое полевое свойство, так как без нее нет собственно и охоты с легавой. Легавая, обладающая плохим чутьем, может еще кое-как служить, легавая же без стойки — не легавая, и ни на какую вообще охоту такая собака не годится, она ни; в какой мере не может заменить ни лайку, ни гончую.

Несмотря на это о стойке меньше беспокоятся, чем о чутье. И это понятно: легавые с утраченной от природы стойкой встречаются несравненно реже, чем с плохим чутьем, стойка имеет значительно меньше качественных оттенков, чем чутье. По этим причинам, считая стойку качеством постоянным, подразумеваемым, правила полевых испытаний расценивают стойку сравнительно небольшим высшим баллом — 5, а чутье — баллом 22, придавая этим чутью первенствующее значение в оценочной таблице.

Многие качества стойки связаны невидимыми нитями со свойствами чутья и его приемами. Стойка осуществляется по велению аппарата чутья. Чтобы сделать стойку, собака должна зачутья сперва дичь.

При разборе качеств стойки следует различать собственно поведение собаки на стойке и те проявления, которые исключительно отражают то или другое явление приемов и силы чутья. О влиянии воспитания и дрессировки на характер стойки здесь не упоминается, так как подразумевается, что обучением устанавливаются, развиваются и укрепляются все полевые качества вообще.

По внешним проявлениям стойку следует различать: мертвую, твердую и подвижную. И мертвая, и твердая стойка отражают на себе неподвижность и страстность, как и полагается.

Под мертвую, как указывает самое слово, подразумевается настолько крепкая стойка, что собака находится в самозабвении, в своего рода каталепсии, и не в состоянии осуществить подвижки, другими словами, собака с чрезвычайно тугой подводкой, а чаще и без подводки. Такая собака обычно вовсе не осуществляет отхода со стойки по свистку, который в условиях лесной охоты является крайне желательным и даже необходимым. Стойка твердая характеризуется неподвижностью, настороженностью всего туловища собаки, напряженностью хвоста и шеи и особо бдительным положением головы, словно направленной и натуго прикрепленной невидимыми крепкими нитями. В этой позе выражается и осторожность, и уверенность в близком присутствии птицы, и страстность.

Твердость стойки отнюдь не должна граничить с самозабвением, собака должна по приказанию или при подходе охотника податься вперед, чтобы поднять птицу на крыло, а услышав свисток, осторожно отпятиться со стойки и напрямки явиться к хозяину. При всей твердости стойки собака не должна терять способности следить за хозяином слухом, а если возможно и зрением без поворота головы; такое сотрудничество на стойке легко замечается по повороту глаз в сторону хозяина и по движению уха.

Стойка подвижная не отличается твердостью и уверенностью и нехороша тем, что собака, не сохраняя необходимого требования осторожности, позволяет себе без надобности или переходить с места на место или менять позу.

Качество стойки зависит не только от психики собаки и от сложения животного (в смысле красоты стойки), но в значительной степени и от силы чутья. Качество стойки повышается при точности пойнтировки, т. е. верного указания собакою местонахождения найденной птицы.

Расстояние, на котором собака делает стойку, несомненно, зависит прежде всего от силы чутья, а красота дальней стойки должна быть отнесена к заслуге дальнего верхнего чутья.

Стойки пустые являются ошибками и, конечно их следует приписать к недостаткам чутья. К числу пустых стоек надо отнести и стойку по оставленной дичью сидке.

Стойки по птичкам, несомненно, нужно считать дефектом чутья.

Стойка (а не приостановка) по горячему следу представляется явлением нежелательным, ибо если признавать недостатком чутья стойку по сидке, то нет никакого основания не ставить минуса за неточности того же порядка. Неумение различить запах

самой птицы от запаха ее следов указывает на недостаточную четкость чутья. Если мы считаем недостатком стойку по бывшей сидке птицы или по следу, то, с другой стороны, полное пренебрежение сидками и следами также является недостатком, ведущим к недобычливости, пример коей приведен при описании проявлений смешанного чутья.

Стойка заканчивается после взлета птицы лежкой или во всяком случае отсутствием продвижения собаки до разрешения.

Послушание

Отличное чутье и твердая стойка эти два самых важных полевых природных дара) недостаточны еще, чтобы считать такую легавую хорошей охотничьей собакой. Без послушания перечисленные качества умяются донельзя к стыду охотника, так как в руках его была возможность своевременно установить нужное послушание. Этих строк уже достаточно, чтобы подчеркнуть колоссальное значение послушания легавой и необходимость взыскательно относиться к этому качеству при оценке полевой работы легавой, приняв во внимание, что недостаточное послушание обычно ухудшается, прогрессирует.

Та форма послушания, которая в период натаски выражается быстрым без колебания выполнением определенных требований, недостаточная для хорошо поставленной собаки. Послушание механическое, послушание только как ответ на требование должно у поставленной собаки дополняться, заменяться сознательным поведением и приспособлением работы, выливаясь в сотрудничество. Поведение собаки таково, что в большинстве случаев предупреждает требование охотника — это послушание без слов, без приказаний. Собака с сознательной готовностью исполняет такие требования, которые даже прерывают ее горячую работу. Такая собака знает, что призыв послужит к совместному продолжению приостановленной работы и скорее достигнет желаемой цели взять совместно с охотником птицу.

Предъявляемые словами, знаками или свистом определенные требования, заключающиеся в приказаниях лечь, идти назад или вперед, принять то или иное направление, явиться к ноге, искать и др. недостаточны для поставленной собаки, у которой в результате натаски получились опыт и потребность к сотрудничеству. Поставленная собака должна осуществлять отход со стойки по свистку.

В условиях работы исключительно на болоте отход со стойки не вызывается необходимостью. По правилам полевых испытаний легавых, утвержденным всесоюзным съездом кинологов в 1925 году, отход со стойки по свистку не требуется, так как этим портится стойка. Что отход со стойки не требуется на болоте, — это почти верно. Однако, имея собак с очень широким поиском я при условии редкого расселения дичи, да еще при тяжелой ходьбе, я считаю иногда полезным (удобным) отзыв собаки и на болоте, так как бекас, а порою и дупель, посидев, начинает нередко продвигаться, уходить от собаки, а собака до западания птицы начинает вести, и птица слетает на потяжке. Когда все это происходит на расстоянии 200-400 шагов от охотника, то, повторяю, при тяжелой ходьбе лучше собаку отозвать, приняв во внимание, что птица вообще реже снимается при отходе собаки со стойки, чем при следовой работе или при продолжительной стойке.

Что касается того обстоятельства, что отзыв со стойки портит стойку, то это неверно.

Явка по свистку со стойки, а тем более без свистка, чтобы известить охотника о найденной птице (анонс), без сомнения, являются сознательными действиями собаки, — она поступает так, осуществляя свою потребность в сотрудничестве, и естественно, что отношение ее от этого к стойке делается еще серьезнее, — стойка этим только укрепляется.

Вторичный подход на ту же стойку и самая стойка после отзыва полны удвоенной осторожности, а стойка тверда, — собака с подходом охотника как будто хочет показать все свое старание, весь свой опыт и оказать все свое содействие хозяину, выполняя свои прирожденные полевые дарования, в свое время направленные учебю, укрепленные затем опытом и украшенные теперь сознанием сотрудничества. Таковыми были собаки, отходившие по свистку или анонсировавшие, которых я воспитывал и натаскивал и которых видел в умелых руках других лиц.

Полевые испытания одно, а охота — другое. Если отход от стойки на болоте не вызывается необходимостью, то охота в лесу без отхода со стойки теряет значительную часть своей красоты и добычливости. Невозможно бегать по чащам, согнувшись под деревьями, разглядывая, не стоит ли где ваш блю-бельтон, который видится в любом березовом пеньке, стволе или поваленной вершине. Отход со стойки по свистку, свидетельствуя об уместном развитии собаки и, следовательно, и о тонком сознательном ее послушании, является необходимым требованием хорошо поставленной собаки для охоты в лесу.

Кроме отхода со стойки, послушание поставленной собаки со стойки должно сказываться на чрезвычайной апелитости вообще. Полезно, когда собака знает не только призывной свисток к ноге, но и свисток, заставляющий ее по требованию лишней раз появиться поперек хода хозяина; этот свисток служит и для изменения принятого собакой направления, он же служит своего рода обращением к собаке для передачи ей затем определенного распоряжения на расстоянии.

Высокая степень послушания собаки стоит, несомненно, в значительной зависимости от умственного развития. Послушание поставленной собаки должно характеризоваться сознательным участием собаки в охоте, причем послушание является уже одним из проявлений сотрудничества.

Ход и поиск

Характер хода выражается степенью Энергичности и быстроты. Ход энергичный может не обладать большой быстротой, но он во всяком случае отличается бодрым, поворотливым галопом, а не рысью.

Ход — свойство наследственное, не поддающееся изменению. Характер хода является в большей или меньшей степени принадлежностью той или иной породы. Характерным признаком хода английского, ирландского сеттеров и пойнтеров служит энергичность и быстрота хода.

Ход энергичный и быстрый весьма желателен, он позволяет обыскивать большие пространства в короткий сравнительно срок и способствует выявлению красоты работы.

Быстрота хода все же должна иметь свои целесообразные пределы, подразумевая не начальные проявления «невыбегавшейся» собаки, мало выдавшей свободу, а рабочий ход.

Некоторые спортсмены крепко придерживаются взгляда, что чем быстрее ход, тем лучше, будто это касается рысистой или скаковой лошади. Такой взгляд является чисто спортивным, а не охотничьим. Степень целесообразной быстроты хода верно определяется поговоркой «ноги по чутью» или «чутье по ногам». Другими словами, излишняя темпераментность вредна. Чрезмерно быстрый ход, между прочим, часто встречающийся при неосознанности чутья, дает в результате скверно отражающееся на работоспособности собаки неэкономное расходование энергии и излишний шорох и треск при охоте в лесу.

Энергичный ход собаки является показателем ее здоровья и выносливости. Здоровая ладная собака сохраняет степень энергии и быстроты хода с начала до конца охотничьего дня и способна вынести (при правильном питании) тяжелую работу рядовых дней. Заметное падение энергии через 3-4 часа после начала работы является показателем невыносливости собаки, если оправданием ослабления энергии не является слишком жаркая; погода и отсутствие питья.

Энергичный ход не обеспечивает еще успеха без хорошего поиска. Задача целесообразного поиска заключается в обыскании самыми выгодными линиями без повторения пройденных мест наивозможно большего пространства, не выходя за пределы расстояния, затрудняющего сотрудничество собаки с человеком.

Поиск должен выражаться осуществлением определенных обоснованных линий, направлений. Поиск может быть автоматическим (хотя и недурным) или может выявлять сознательность работы, например, в приспособлении поиска к воздушным течениям, в избрании линий, дающих меньше шансов пропустить дичь, в умении держать связь с охотником, в различении мест (зрительным способом), наиболее удобных для дичи и др.

Хорошее чутье и сознательный поиск являются мощным средством отыскивания дичи.

Манера поиска — качество прирожденное, однако, вполне поддающееся воздействию дрессировки, но главным образом в отношении длины линий, того расстояния яри котором охотник считает возможным управлять собакой.

По характеру линий поиск бывает круговым, зигзагообразным и челночным. Создать характер поиска для полевой работы, т. е. сделать из кругового челночный и т. д., — невозможно. Присущий собаке поиск окончательно устанавливается опытом собаки, характером и степенью ее чутья и правильным надзором натаскивающего. О поиске в смысле характера линий говорят слишком много и совершенно зря. Всякий поиск при энергичном ходе хорош, если у собаки развита потребность к сотрудничеству или хотя бы совершенное послушание; и то и другое качество дает самое существенное, достаточно частое пересечение собакою, без напоминания свистком линии хода охотника в 20-50 шагах впереди его.

Уделяющие слишком много внимания поиску большей частью являются дрессировщиками, а не воспитателями, или же любителями исключительно болота. При спортивной охоте по бекасам обращают особое внимание на математическую длину линий челнока и расстояния между ними. Когда удастся выбрать направление против ветра, строго челночный поиск весьма целесообразен, но что же делать, когда, дойдя до края болота, приходится идти по ветру. Осуществление правильного челночного поиска

по ветру будет свидетельствовать о полной бессознательности работы собаки. Это самый невыгодный тупой поиск при условии работы собаки по ветру, так как он не дает наступательных направлений против ветра; поиск круговой, зигзагообразный и любой произвольный с линиями против ветра, несомненно, более выгоден, чем при вынужденном ходе по ветру. Что же иное остается делать? Лучшим исходом, пожалуй, будет взять собаку к ноге и идти по ветру до противоположного края болота, а затем, пустив челнок, снова возвращаться против ветра свежей полосой болота. Но разве это охота?!

О точности линий челнока даже на болоте много заботиться не следует, — они противоестественны. Линии поиска намечаются воздушными течениями, лишь бы они не повторяли пройденного пространства и не выходили из рамок, позволяющих управлять собакою. У хорошо поставленной собаки управление это делается ненужным.

Рассудочность. В полевой работе многих собак любой породы (у лайки и легавой в особенности) проявляется не только охотничий инстинкт, но и рассудочность. Это ценное свойство вытекает из природных богатств животного, развитых воспитанием, обучением.

Развитие со щенячьего возраста умственных способностей применительно к охотничьим целям помогает наивозможно полно использовать способность собаки.

В отдельных проявлениях полевой работы ум сказывается: в чутье — в его осознанности, в стойке — в способности собаки при твердой стойке не терять внимания к хозяину, прислушиваясь и приглядываясь (косясь) по направлению его местонахождения и в явке со стойки по свистку и в предупреждении тех или иных требований соответствующим поведением, в поиске — в сознательном обследовании мест, особо удобных для птицы, и в приспособлении поиска (удлинение и укорочение), в зависимости от работы на открытых местах и в лесу, применяясь к густоте лесонасаждения, в осуществлении особых приемов — обходов для обнаружения местонахождения птицы по запаху следа или бывшей сидки, в изменении по собственному почину или по требованию охотника быстроты продвижения при следовой работе и потяжке вообще, также в подаче битой птицы при необученности аппорту (подаче) из места, недосягаемого для охотника и др.

Как например аппорта и ускорения работы по следу и на потяжке приведу следующий случай: дальним выстрелом я подбил снявшуюся на потяжке белую куропатку. Дойдя до места падения птицы, собака быстро пошла по ее следу верхним чутьем. Начались густые заросли ивняка, поспевать за собакой становилось трудно, между тем по работе собаки было видно, что куропатка продолжает поспешно удирать, нисколько не западая. Решив, что единственным способом добыть подранка было заставить собаку догнать птицу, я передал собаке свое решение тремя словами: скорей, возьми ее. Собака ускорила ход и рысью скрылась в зарослях. Будь то здоровая птица, собака, конечно, на решилась бы на такой аллюр.

Выйдя на опушку, я стал ждать возвращения собаки. Через некоторое время собака вышла, высока держа голову и неся совершенно бодрую белую куропатку, у которой оказалось сломанным малое крылышко. Собака эта отличалась прекрасным чутьем, плавной потяжкой, твердой стойкой, отличным послушанием и анонсом и хотя и неправильным в смысле систематичности линий поиском, но очень добычливым. Ранее этого случая собака никогда не аппортировала.

Подобные проявления ума собаки не поддаются проверке судьей на официальных полевых испытаниях, да и вообще проявления ума ускользают от судейства, прежде всего вследствие отсутствия точного определения проявлений ума и слитной графы оценочной таблицы для ума и послушания, а также по причине краткости времени, уделяемого на испытание отдельной собаки и однообразных условий испытаний. Теперь при установлении испытательной станции и более продолжительного наблюдения за работой собаки некоторая возможность имеется, но она была бы значительно полнее, если бы работа станции была распространена наравне с болотными и на лесные испытания.

Болото и лес представляют собою совершенно разные условия для работы чутья, для поиска, для послушания, для приемов работы вообще и для проявления одного из самых важных показателей умственного развития собаки — полного сотрудничества, а в частности яркого показателя этого качества — анонса. На болоте собака на виду у охотника, а охотник все время маячит на глазах собаки. Расстояние, на котором находится охотник от собаки, как всем известно, действует на собаку: некоторые собаки прекрасно выполняют работу в непосредственной близости человека, а когда человек находится на расстоянии, не только изменяют качественное проявление некоторых сторон работы, но проявляют и недопустимые приемы

Также действует на психику собаки правда, тоже (не вполне еще надежной) нахождение охотника не на виду, например, при охоте в лесу. По этим причинам условия открытых мест благоприятствуют хорошему проявлению послушания.

Работа чутья на болоте не встречает столько препятствий, сколько их убывает в лесу, вследствие заслонов. Ровная тяга воздуха беспрепятственно плывет по болоту, способствуя чутью. С другой стороны, на болоте собака должна руководствоваться преимущественно запахом самой птицы, а не ее следа, и поэтому на болоте легче и скорее распознать силу чутья, его дальность, четкость и осознанность. Эти причины вместе с возможностью видеть непрерывно работу собаки и заставляют многих предпочитать полевые испытания на болоте.

В лесу работа собаки носит, однако, большой отпечаток сознательности, это сказывается почти во всех проявлениях лесной охоты.

По куриным вообще собака (за исключением высоковерхочутых) для продуктивности работы часто руководствуется не только запахом самой птицы, но и запахом ее следов, благодаря которым она либо следом, либо обходными розыскными маневрами доходит до запаха самой птицы. Этот способ, являясь одним из средств находить дичь, вызывается повадками куриных давать, наброды и кормиться там же, где протекает их жизнь семьей. На болоте вследствие иного образа жизни болотной дичи (куликов), этого признака почти не встречается.

На поиске в лесу рассудочность собаки сказывается весьма характерно, собака сокращает поиск в зависимости от густоты лесонасаждения, чаще пересекает линию направления охотника, умело обходя чащи, пользуется полянами, просеками, ловя воздушные течения для исследования стоящих в стороне рощ и отдельных зарослей, понимая, что запах затаившейся в них птицы выбивается из зарослей и задерживается на полянах, просеках, опушках, между стенками леса. Собаки, умственно развитые и даже не столь опытные, находят зрением места, особо удобные для дичи, и, нарушая присущий им поиск, стремятся туда на поверку. Ясно, что в лесу ум собаки по проявлению сотрудничества выражается явнее, чем на открытых местах, как уже видно из перечисленных примеров сознательной работы.

Естественно, что в лесу, где собака, хотя и часто показывается на глаза, но где все же $\frac{2}{3}$ времени ее работы протекает заглазно, больше чем где бы то ни было может и должно проявляться сотрудничество, и как одно из его проявлений отход со стойки по свистку и без свистка для доклада (анонс).

Анонс

Относительно анонса существует много мнений. Большинство из них сводится к тому, что анонс есть особый прирожденный талант, и, следовательно, если этого таланта нет, то он недостижим обучением. На самом же деле, вопреки этому ошибочному мнению, анонс есть проявление естественной потребности легавой собаки к сотрудничеству с человеком (сотрудничество вообще в природе и легавой и лайки). Потребность эта или замирает при малом умственном развитии собаки и недостаточной полевой практике или развивается сама с опытом, с возрастом собаки, или же с первого же поля расцветает род умелым воздействием человека.

Я приводил в свое время сведения об анонсе в статье «Анонс» (журн. «Охотник» № 4, за 1926 г.) и в брошюре «Обучение легавой», где желающие могут почерпнуть сведения о способах вызвать у собаки анонс.

Странным кажется то хаотическое освещение вопроса об анонсе, которое замечается как в литературе, так и в суждениях отдельных охотников. Еще страннее, что охотники с легавой, много занимающиеся собакой, пренебрегают этим незаменимым проявлением ума собаки, которое в тысячу раз нужнее поноски и во много раз легче и скорее достижимо, чем последняя. По правилам полевых испытаний анонс не требуется по той же причине, по которой не требуется и отзыв со стойки — из боязни поколебать твердость стойки. По поводу неосновательности этого опасения мною приведены достаточно веские доводы, основанные на тщательных наблюдениях, над отходами со стойки, поэтому не буду приводить их здесь вновь. Повторяю, однако, снова: полевые испытания — одно, а охота — другое.

В условиях нашей лесной охоты (а лесов у нас в общем больше, чем бекасинных болот), отзыв со стойки, — а еще лучше анонс, — не только желателен, но и необходим. У собаки с анонсом развивается чрезвычайно широкий поиск, значительно ускоряющий разыскание птицы, особенно на больших однообразных пространствах с редким расселением дичи.

Анонс должен проявляться отчетливо. В зависимости от характера собаки анонс, при явке с докладом, выражается либо радостным, либо сосредоточенно деловым поведением и немедленным возвращением обратно тем же следом настороженною трускою. Это возвращение схоже с потяжкой, хотя собака, придя издалека, может, конечно, не чують еще птицу, а как только вступит в зону, куда доходит уже запах птицы, поведение ее изменяется, и собака, как на подводке, плавно, медленно переступает и замирает.

После доклада собака, как и на потяжке, не должна идти слишком быстро, чтобы не исчезать с глаз охотника.

При оценке работы легавой в условиях охоты надо высоко ставить полевые умственные проявления собаки, служащие всегда гарантией совершенства ее поведения. Если вы не

любите ходить на охоте в одиночестве, попробуйте ходить с анонсирующей собакой, и вы почувствуете, что ходите вдвоем.

Красота работы — не праздные слова, а явление вечно пенное. Стремление человека к достижению красивых, стильных приемов работы животного является, по существу, стремлением к совершенствованию не только форм, но и форм для работы. Красота форм легавой и как результат их, красивая стильная работа являются признаками породности, чистоты данного образца, типа.

Таким образом, проявление красоты и стильности присущи кровному животному, т. е. такому, которое для достижения задуманных человеком целей вылилось путем соответствующих скрещиваний в ряде поколений в определенный устойчивый вид. По этим причинам красота и стильность работы являются бесспорно совершенно желательными как принадлежность породы, выработанной человеком и долженствующей служить определенному назначению как приспособленное орудие. Другими словами, порода служит гарантией рабочего качества, это своего рода хорошая фабричная марка.

Но помимо этой стороны, красота работы имеет и другое значение и желательна сама по себе. Если мы заглядываемся на пляшущих под звуки гармоник и останавливаем наше внимание не на всех, а на одном каком-либо лице, благодаря простоте и пластичности его движений, то от этого зрелища мы получаем удовольствие и удовлетворение потому, что оно не только ловко, но и красиво исполняется.

Движения легавой собаки тоже красивы по-своему, так как движения эти бывают гармонично приспособлены к выполняемой в данный момент работе. Движения породной легавой на поиске, на потяжке, красота живой неподвижности на стойке дышат страстью, дышат той охотничьей настороженностью, которая отражается и в охотничьем инстинкте человека, получающего еще больше удовлетворения от общности переживаний.

Красивые движения легавой на охоте возможны только у породной собаки или у дикого животного.

На красоту работы легавой, конечно, должно быть обращено внимание, — это своего рода венец всех полевых качеств. Однако, красота и стильность работы: может иметь решающее значение лишь при равенстве полевых качеств легавых — чутья, стойки, послушания, хода и поиска и проявлений ума.